

В т и р у ш а *).

(„L'INTRUSE“)

Мориса Метерлинка.

Переводъ Е. Н. Клетновой.

Къ представленію дозволено 15 августа 1892 года. № 3981.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣдъ, слѣпой.
Отецъ.
Дядя.
Три дочери.
Служанка.
Сестра милосердія.

Довольно мрачная зала стараго замка. Дверь направо, дверь налево и потайная дверка въ улу. Въ глубинѣ окна со стеклами зеленоватаго оттѣнка и стеклянная дверь, ведущая на террасу. Въ улу большіе фламандскіе часы. Зажженная лампа.

Три доч. Подите сюда, дѣдушка—садитесь къ лампѣ.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, здѣсь не очень-то свѣтло.

Отецъ. Пойдемъ ли мы на террасу, или останемся въ этой комнатѣ?

Дядя. Не лучше ли остаться здѣсь? Всю недѣлю шелъ дождь и эти ночи холодны и сыры.

Стар. дочь. А все-таки есть звѣзды.

Дядя. О! звѣзды еще ничего не доказываютъ.

Дѣдъ. Лучше остаться тутъ—не знаешь, что можетъ случиться.

Отецъ. Теперь не зачѣмъ тревожиться. Опасности нѣтъ, она спасена...

Дѣдъ. Мнѣ кажется, она чувствуетъ себя не хорошо.

Отецъ. Почему вы такъ думаете?

Дядя. Я слышалъ ея голосъ.

Отецъ. Но вѣдъ доктора утверждаютъ, что мы можемъ быть покойны...

Дядя. Вы вѣдъ знаете, что вашъ тесть любить насъ тревожить понапрасну.

Дѣдъ. Я не вижу такъ, какъ вашъ братъ.

Дядя. Слѣдовательно вы и должны обращаться къ нашему брату-зречему. Она прекрасно выглядѣла сегодня днемъ. Она крѣпко спитъ теперь и намъ незачѣмъ отравлять понапрасну первый хорошій вечерокъ, который намъ посылаетъ судьба... Мнѣ кажется, что мы имѣемъ полное право отдохнуть сегодня и даже немного посмѣяться безо всякаго опасенія.

Отецъ. Это правда; я впервые чувствую себя какъ бы дома, среди своихъ, послѣ этихъ ужасныхъ родовъ.

Дядя. Какъ только болѣзнь вселится въ домъ, такъ и кажется, что присутствуетъ кто-то посторонній.

Отецъ. Но тогда и видишь также, что внѣ семьи ни на кого не слѣдуетъ разсчитывать.

Дядя. Вы совершенно правы.

*) Желая навѣрможно точнѣе и однимъ словомъ передать названіе пьесы, я прибѣгнула, хотя и къ малоупотребительному, но за то единственно—характерному слову. (Смотри словарь В. И. Даля).

Примѣчаніе переводчицы.

Дѣдъ. Отчего я не могъ видѣть моей бѣдной дочери сегодня?

Дядя. Вы прекрасно знаете, что докторъ запретилъ это.

Дѣдъ. Я не знаю, что мнѣ и думать.

Дядя. Не зачѣмъ вамъ тревожиться.

Дѣдъ (*указывая на дверь слѣва*). Она не услышитъ насъ?

Отецъ. Мы говоримъ не громко; да, впрочемъ, дверь очень толста, и съ больной сестра милосердія; она сказала бы намъ, еслибъ мы черезчуръ шумѣли.

Дѣдъ (*указывая на дверь справа*). Онъ не услышитъ насъ?

Отецъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Дѣдъ. Онъ спитъ?

Отецъ. Я думаю, что такъ.

Дѣдъ. Надо бы посмотрѣть.

Дядя. Меня онъ, пожалуй, болѣе тревожитъ, чѣмъ ваша жена. Вотъ уже нѣсколько недѣль какъ онъ родился, и едва шевелится; до сихъ поръ онъ не крикнулъ ни разу; точно восковой ребенокъ.

Дѣдъ. Я думаю, онъ будетъ глухой, а можетъ быть и нѣмой. Вотъ что значать браки между родственниками.

(Недовольное молчаніе.)

Отецъ. Я почти что сердитъ на него за страданія, причиненныя имъ матери.

Дядя. Надо быть благоразумнымъ: вѣдь не виновать же въ этомъ бѣдный малютка. Онъ совсѣмъ одинъ въ той комнатѣ?

Отецъ. Да, докторъ не желаетъ, чтобы онъ оставался въ комнатѣ своей матери.

Дядя. Но кормилица съ нимъ?

Отецъ. Нѣтъ, она пошла отдохнуть минутку, вѣдь она это заслужила за эти послѣдніе дни. Урсула, взгляни, спитъ ли онъ?

Стар. дочь. Сейчасъ, папа.

(Три дочери, встаютъ и, взявшись за руки, входятъ въ комнату направо.)

Отецъ. Въ которомъ часу придетъ сестра?

Дядя. Я думаю, она придетъ къ девяти часамъ.

Отецъ. Десятый часъ. Мнѣ-бъ хотѣлось, чтобы она пришла сегодня. Жена очень желаетъ повидать ее.

Дядя. Она навѣрно придетъ. Она въ первый разъ будетъ здѣсь?

Отецъ. Она никогда не входила въ домъ.

Дядя. Вѣ очень трудно уйти изъ монастыря.

Отецъ. Она придетъ одна?

Дядя. Я думаю, какая-нибудь монахиня проводить ее. Онѣ не могутъ выходить одна.

Отецъ. Да вѣдь она же настоятельница?

Дядя. Правило для всѣхъ одинаково.

Дѣдъ. Вы больше не тревожитесь?

Дядя. Зачѣмъ же намъ тревожиться? Не зачѣмъ и думать объ этомъ. Бояться болѣе нечего.

Дѣдъ. Ваша сестра старше васъ?

Дядя. Она старше всѣхъ.

Дѣдъ. Я не знаю, что со мной. Я что-то не спокоенъ. Я бы хотѣлъ, чтобы пришла ваша сестра.

Дядя. Она придетъ; она вѣдь общала.

Дѣдъ. Я бы хотѣлъ, чтобы этотъ вечеръ миновалъ.

(Три дочери возвращаются.)

Отецъ. Онъ спитъ?

Стар. дочь. Да, глубокимъ сномъ, папа.

Дядя. Что будемъ мы дѣлать пока?

Дѣдъ. Пока что?..

Дядя. Пока не придетъ наша сестра.

Отецъ. Ты ничего не видишь, Урсула?

Стар. дочь (*у окна*). Нѣтъ, папа.

Отецъ. А въ аллеѣ? Ты видишь аллею?

Дочь. Да, папа. Мѣсяцъ свѣтитъ, и аллея мнѣ видна до кипарисной роши.

Дѣдъ. И ты никого не видишь, Урсула?

Дочь. Никого, дѣдушка.

Дядя. Какова погода?

Дочь. Погода прекрасная. Вы слышите соловьевъ?

Дядя. Да, да.

Дочь. Въ аллеѣ поднялся маленькій вѣтерокъ.

Дѣдъ. Маленькій вѣтерокъ, Урсула?

Дочь. Да, деревья слегка шелестятъ.

Дядя. Странно, что все еще нѣтъ сестры.

Дѣдъ. Я больше не слышу соловьевъ, Урсула.

Дочь. Мнѣ кажется, кто-то взошелъ въ садъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Кто же?

Дочь. Я не знаю; я никого не вижу.

Дядя. Да никого нѣтъ.

Дочь. Кто-нибудь да долженъ быть въ саду—соловьи сразу замолчали.

Дѣдъ. Но я не слышу, чтобы шелъ кто-нибудь.

Дочь. Кто-нибудь да проходить около пруда—лебеди испугались.

Др. дочь. Вся рыба въ пруду вдругъ всплеснулась.

Отецъ. Ты никого не видишь?

Дочь. Никого, папа.

Отецъ. Но прудъ вѣдь освѣщенъ мѣсяцемъ?

Дочь. Да, я вижу, что лебеди испуганы.

Дядя. Я увѣренъ, что сестра испугнула ихъ. Она, вѣрно, вошла въ калитку.

Отецъ. Я не могу себѣ объяснить, почему собаки не лаютъ.

Дочь. Я вижу, вотъ цѣпная собака въ самой глубинѣ своей конуры. Лебеди плывутъ къ другому берегу.

Дядя. Они испугались сестры. Вотъ увидимъ. (*Онъ зоветъ.*) Сестра! Сестра! Это ты?.. Никого нѣтъ.

Дочь. Я увѣрена, что кто-нибудь да вошелъ въ садъ. Вотъ вы увидите.

Дядя. Но она отвѣтила бы мнѣ!

Дѣдъ. А соловьи опять не запѣли, Урсула?

Дочь. Я ни единого не слышу во всей окрестности.

Дѣдъ. А все же нѣтъ никакого шума.

Отецъ. Мертвая тишина.

Дѣдъ. Навѣрное ихъ испугалъ кто-нибудь незнакомый, вѣдь еслибъ это былъ кто-либо изъ домашнихъ, они бы не смолкли.

Дочь. Вотъ одинъ на большой плакучей ивѣ. Онъ улетаетъ!..

Дядя. Вы будете соловьями заниматься теперь?

Дѣдъ. Всѣ ли окна открыты, Урсула?

Дочь. Стеклянная дверь открыта, дѣдушка.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, холодъ проникаетъ въ комнату.

Дочь. Въ саду небольшой вѣтеръ, дѣдушка, розы облетаютъ.

Отецъ. Ну и закрой дверь, Урсула. Поздно.

Дочь. Хорошо, папа. Но я не могу закрыть дверь.

Дѣдъ др. доч. Мы не можемъ закрыть дверь.

Дѣдъ. Что же тамъ за дверью, дѣвочки?

Дядя. Не надо говорить это страннымъ голосомъ. Я имъ помогу.

Стар. дочъ. Мы никакъ не можемъ закрыть плотную.

Дядя. Это отъ сырости. Нажмите вѣбствъ. Что-то да есть между половинками.

Отецъ. Столяръ завтра починить.

Дѣдъ. Развѣ столяръ придетъ завтра?

Дочь. Да, дѣдушка, онъ работаетъ въ погребѣ.

Дѣдъ. Онъ на шумитъ въ домѣ!

Дочь. Я скажу, чтобъ онъ работалъ потихоньку.

(*Вдругъ слышится лязъ косы, которую точатъ на дворѣ.*)

Дѣдъ (*вздвинувъ*). Ахъ!

Дядя. Урсула, что это такое?

Дочь. Я навѣрно не знаю; кажется, это садовникъ; мнѣ не хорошо видно: онъ находится въ тѣни дома.

Отецъ. Садовникъ собирается косить.

Дядя. Онъ косить ночью?

Отецъ. Вѣдь завтра воскресенье? Да, я замѣтилъ, что трава очень высока вокругъ дома.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, его коса ужасно лязгаетъ.

Дочь. Онъ окашиваетъ домъ.

Дѣдъ. Ты видишь его, Урсула?

Дочь. Нѣтъ, дѣдушка, онъ въ темнотѣ.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, его коса ужасно лязгаетъ...

Дочь. У васъ ужъ очень тонкій слухъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Я боюсь, чтобы онъ не разбудилъ мою дочь.

Дядя. Мы едва слышимъ.

Дѣдъ. Я слышу, какъ будто онъ коситъ въ домѣ.

Дядя. Больная не услышитъ; нечего беспокоиться.

Отецъ. Мнѣ кажется, лампа не совсѣмъ хорошо горитъ сегодня.

Дядя. Надо подлить въ нее масла.

Отецъ. Я видѣлъ, какъ наливали сегодня. Она плохо горитъ съ тѣхъ поръ, какъ закрыли окно.

Дядя. Кажется, стекло не чисто.

Отецъ. Она разгорится.

Дочь. Дѣдушка уснулъ. Онъ не спалъ три ночи.

Отецъ. Онъ очень тревожился.

Дядя. Онъ всегда чрезмерно тревожится; иногда его положительно не уговоришь.

Отецъ. Это вполне простительно въ его годы.

Дядя. Богъ вѣсть, гдѣ мы будемъ въ его годы.

Отецъ. Ему около восьмидесяти лѣтъ.

Дядя. Въ эту пору имѣешь право на странности.

Отецъ. Можетъ быть, мы будемъ еще болѣе странными.

Дядя. Не знаешь, что можетъ случиться... Онъ смѣшонъ по временамъ.

Отецъ. Онъ такой же, какъ и всѣ слѣдые.

Дядя. Они слишкомъ много размышляютъ.

Отецъ. У нихъ слишкомъ много свободного времени.

Дядя. Имъ больше нечего дѣлать.

Отецъ. Къ тому же у нихъ нѣтъ никакого развлечения.

Дядя. Это должно быть ужасно.

Отецъ. Кажется, къ этому привыкають.

Дядя. Я никакъ не могу себѣ представить этого.

Отецъ. Несомнѣнно, ихъ очень жаль.

Дядя. Не знать, гдѣ находишься, не знать, откуда идешь, не знать, куда направляешься, не различать болѣе полдня отъ полуночи, ни лѣта отъ зимы... И вѣчный этотъ мракъ... Этотъ мракъ... Я бы предпочелъ и не жить лучше... Развѣ это совершенно неизгнимо?

Отецъ. Кажется, что такъ.

Дядя. Но вѣдь онъ не совсѣмъ слѣпъ?

Отецъ. Онъ различаетъ сильный свѣтъ.

Дядя. Надо беречь наши бѣдные глаза.

Отецъ. У него зачастую странныя мысли.

Дядя. Подчасъ онъ далеко не интересенъ.

Отецъ. Онъ высказываетъ рѣшительно все, что думаетъ.

Дядя. Но было время, вѣдь онъ не былъ такимъ?

Отецъ. Конечно, нѣтъ. Прежде онъ былъ такъ же разсудителенъ, какъ и мы; онъ не говорилъ ничего страннаго. По правдѣ сказать, Урсула слишкомъ уже ободряетъ его; она отвѣчаетъ на всѣ его вопросы...

Дядя. Лучше было бы не отвѣчать—это значитъ оказывать ему плохую услугу.

(Бьетъ десять часовъ.)

Дѣдъ (просыпаясь). Я сижу противъ стеклянной двери?

Дочь. Хорошо ли вы уснули, дѣдушка?

Дѣдъ. Я сижу противъ стеклянной двери?

Дочь. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. Никого нѣтъ у стеклянной двери?

Дочь. Да нѣтъ же, дѣдушка, я никого не вижу.

Дѣдъ. Я думалъ кто-нибудь ждетъ. Никто не приходилъ, Урсула?

Дочь. Никто, дѣдушка.

Дѣдъ (обращаясь къ отцу и дядѣ). А сестра ваша не приходила?

Дядя. Слишкомъ поздно; она уже не придетъ. Это не любезно съ ея стороны.

Отецъ. Она начинаетъ меня беспокоить. (Слышенъ стукъ, какъ будто кто входитъ въ домъ.)

Дядя. Вотъ она! Вы слышали?

Отецъ. Да, кто-то вошелъ черезъ потаенный ходъ.

Дядя. Должно быть это сестра. Я узнаю ея шаги.

Дѣдъ. Я слышу медленную походку.

Отецъ. Она вошла очень тихо.

Дядя. Она знаетъ, что есть больной.

Дѣдъ. Теперь я больше ничего не слышу.

Дядя. Она сейчасъ поднимется, ей скажутъ, что мы тутъ.

Отецъ. Я счастливъ, что она пришла.

Дядя. Я былъ увѣренъ, что она придетъ сегодня.

Дѣдъ. Она что-то не входитъ на верхъ?

Дядя. Но это навѣрное она.

Отецъ. Мы не ждемъ никого другого.

Дѣдъ. Я не слышу ни малѣйшаго шума въ подвальномъ этажѣ.

Отецъ. Я позову служанку. Мы узнаемъ, что это такое. (Онъ дергаетъ за шнуръ отъ звонка.)

Дѣдъ. Я уже слышу стукъ на лѣстницѣ.

Отецъ. Это служанка поднимается по лѣстницѣ.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, она не одна.

Отецъ. Это служанка такъ стучитъ...

Дѣдъ. Мнѣ кажется, она не одна.

Отецъ. Она страшно распотѣла. Я думаю, у ней водяная.

Дядя. Пора вамъ отъ нея отдѣлаться, а то она останется у васъ на рукахъ.

Дѣдъ. Я слышу шаги вашей сестры.

Отецъ. Я слышу только, что идетъ служанка.

Дѣдъ. Это ваша сестра. Это ваша сестра! (Стукъ въ дверь.)

Дядя. Она стучится въ дверцу потайной лѣстницы.

Отецъ. Я самъ отопру, потому что эта дверка очень гремитъ; она пригодна лишь тогда, когда кто-нибудь желаетъ войти въ комнату незамѣченнымъ. (Онъ отпираетъ дверцу; служанка остается за ней на площадкѣ.) Гдѣ вы?

Служ. Здѣсь, сударь.

Дѣдъ. Сестра ваша въ дверяхъ?

Дядя. Я вижу лишь одну служанку.

Отецъ. Здѣсь лишь одна служанка. (Служанкѣ.) Кто это вошелъ въ домъ?

Служ. Вошелъ въ домъ, сударь?

Отецъ. Да, кто-то пришелъ сейчасъ.

Служ. Никто не приходилъ, сударь.

Дѣдъ. Кто это такъ вздыхаетъ?

Дядя. Это служанка, она запыхалась.

Дѣдъ. Развѣ она плачетъ?

Дядя. Да нѣтъ же, зачѣмъ ей плакать?

Отецъ (служанкѣ). Не взошелъ ли кто-нибудь сейчасъ?

Служ. Да нѣтъ же, сударь.

Отецъ. Но мы слышали, какъ отворили дверь.

Служ. Это я запираю дверь, сударь.

Отецъ. Она была отперта?

Служ. Да, сударь.

Отецъ. Зачѣмъ же она была отперта въ эту пору?

Служ. Я не знаю, сударь, я ее затворила.

Отецъ. Такъ кто же отворилъ ее?

Служ. Я не знаю, сударь, должно быть, кто-нибудь выходилъ послѣ меня, сударь.

Отецъ. Надо обращать вниманіе. Да не толкайте же дверь, вы вѣдь знаете, что она стучитъ!

Служ. Да я, сударь, и не дотрогиваюсь до двери.

Отецъ. Да какъ же! Вы толкаете такъ, какъ будто хотите войти въ комнату!

Служ. Да вѣдь я, сударь, въ трехъ шагахъ отъ двери.

Отецъ. Говорите потише.

Дѣдъ. Развѣ гасить огонь?

Стар. дочь. Да нѣтъ же, дѣдушка.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, что сразу потемнѣло.

Отецъ (служанкѣ). Вы можете сойти теперь, спускайтесь потихоньку, вы разбудите барыню.

Служ. Это не я стучала, сударь.

Отецъ. И если кто-нибудь придетъ теперь, скажите, что насъ дома нѣтъ.

Дядя. Да, скажите, что насъ нѣтъ.

Дѣдъ (вздвинувъ). Не надо было говорить этого!

Отецъ (служанкѣ). За исключеніемъ сестры и доктора.

Дядя. Въ которомъ часу будетъ докторъ?

Отецъ. Онъ не можетъ быть ранѣе полночи. (Онъ закрываетъ дверь. Часы бьютъ одиннадцать часовъ.)

Дѣдъ. Она вошла?

Отецъ. Кто такой?

Дѣдъ. Служанка.

Отецъ. Да нѣтъ же, она сошла внизъ.

Дѣдъ. Я думалъ, она сѣла къ столу.

Дядя. Служанка?

Дѣдъ. Да.

Дядя. Еще этого не доставало!

Дѣдъ. Никто не входилъ въ комнату?

Отецъ. Да нѣтъ же, никто не входилъ.

Дѣдъ. А вашей сестры нѣтъ здѣсь?

Дядя. Сестра и не приходила; что съ вами?

Дѣдъ. Вы хотите меня обмануть.

Дядя. Васъ обмануть?

Дѣдъ. Урсула, скажи мнѣ правду, ради Бога.

Стар. дочь. Дѣдушка! Дѣдушка, что съ вами?

Дѣдъ. Что-то случилось!... Я увѣренъ, что моей дочери хуже!...

Дядя. Вы бредите?...

Дѣдъ. Вы не хотите мнѣ сказать этого!... Я прекрасно вижу, что есть что-то такое!...

Дядя. Въ такомъ случаѣ вы видите лучше насъ.

Дѣдъ. Урсула, скажи мнѣ правду!

Дочь. Да вамъ вѣдь говорить правду, дѣдушка!

Дѣдъ. У тебя не свой голосъ!

Отецъ. Оттого, что вы ее пугаете.

Дѣдъ. И вашъ голосъ, — онъ тоже измѣнился.

Отецъ. Да вы съ ума сходите! (Онъ и дядя дѣлаютъ другъ другу многозначительные знаки, убѣждающіе, что дѣдъ помѣшался.)

Дѣдъ. Я отлично слышу, что вы боитесь!

Отецъ. Да чего же намъ бояться?

Дѣдъ. Зачѣмъ вы хотите обмануть меня?

Дядя. Кто же помышляетъ обманывать васъ?

Дѣдъ. Зачѣмъ вы загасили огонь?

Дядя. Да огня и не гасили; такъ же свѣтло какъ и прежде.

Дочь. Мнѣ кажется, что лампа меркнетъ.

Отецъ. Я вижу такъ же ясно какъ и прежде.

Дѣдъ. У меня мельничные жернова на глазахъ! Дѣвочки мои, скажите же мнѣ, что здѣсь происходитъ? Всѣ вы зрячіе — скажите во имя Бога! Я здѣсь совершенно одинокъ въ безконечномъ мракѣ! Я не знаю, кто сидитъ подлѣ меня! Я не знаю, что творится въ двухъ шагахъ отъ меня!... Зачѣмъ говорили вы шопотомъ сейчасъ?

Отецъ. Никто не говорилъ шопотомъ.

Дѣдъ. Вы говорили шопотомъ у двери.

Отецъ. Вы слышали все, что я говорилъ.

Дѣдъ. Вы ввели кого-то въ комнату.

Отецъ. Да говорю же я вамъ, что никто не входилъ.

Дѣдъ. Это ваша сестра или священникъ? Не старайтесь меня обмануть; Урсула, кто это вошелъ?

Дочь. Никто, дѣдушка.

Дѣдъ. Не старайтесь обмануть меня; я знаю то, что знаю. Здѣсь насъ сколько?

Дочь. Насъ за столомъ шестеро, дѣдушка.

Дѣдъ. Вы всё сидите за столомъ?

Дочь. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. Ты здѣсь, Павелъ?

Отецъ. Да.

Дѣдъ. Ты здѣсь, Оливье?

Дядя. Ну да, ну да; я здѣсь на своемъ обычномъ мѣстѣ. Вѣдь это не важно, не правда ли?

Дѣдъ. Ты здѣсь, Женевьева?

Одна изъ дочер. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. Ты тутъ, Гертруда?

Друг. дочь. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. Ты здѣсь, Урсюла?

Стар. дочь. Да, дѣдушка, подлѣ васъ.

Дѣдъ. А кто же усѣлся вонъ тамъ?

Дочь. Гдѣ же, дѣдушка?—Тамъ никого нѣтъ.

Дѣдъ. Тамъ, тамъ, среди насъ.

Дочь. Да нѣтъ же никого, дѣдушка.

Отецъ. Вамъ говорятъ, что никого нѣтъ!

Дѣдъ. Да вы всё, вѣдь вы не видите.

Дядя. Ну! Вы хотите шутить.

Дѣдъ. Я вовсе не хочу шутить, увѣряю васъ.

Дядя. Тогда вѣрите тѣмъ, кто видитъ.

Дѣдъ (*нервно*). Я думалъ, что есть кто-нибудь... Мнѣ кажется, я долго не проживу.

Дядя. Зачѣмъ будемъ мы обманывать васъ? Къ чему бы это послужило?

Отецъ. Вамъ сказали бы правду.

Дядя. Для чего обманывать другъ друга?

Отецъ. Вы бы не могли долго оставаться въ заблужденіи.

Дѣдъ. Я бы хотѣлъ быть дома.

Отецъ. Да вы же дома—здѣсь.

Дядя. Развѣ мы не дома?

Отецъ. Развѣ вы у чужихъ?

Дядя. Вы странный сегодня.

Дѣдъ. А мнѣ вы сами кажетесь странными!

Отецъ. Вамъ недостаетъ чего-нибудь?

Дѣдъ. Я не знаю что со мной!

Дядя. Хотите чего-нибудь выпить?

Стар. дочь. Дѣдушка, дѣдушка, что вамъ нужно, дѣдушка?

Дѣдъ. Дайте мнѣ ваши ручки, мои дѣвочки.

Всѣ три дочери. Хорошо, дѣдушка.

Дѣдъ. Отчего дрожите вы всѣ три, мои дѣвочки?

Стар. дочь. Мы не дрожимъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Мнѣ кажется что вы блѣдны всѣ три.

Стар. дочь. Поздно, дѣдушка, и мы утомились.

Отецъ. Вамъ надо отправляться спать, да и дѣдушка сдѣлалъ бы лучше, еслибъ пошелъ отдохнуть немного.

Дѣдъ. Я не могу уснуть сегодняшнюю ночь.

Дядя. Мы ждемъ доктора.

Дѣдъ. Подготовьте меня къ правдѣ!

Дядя. Да нѣтъ же никакой правды!

Дѣдъ. Такъ, значить, я и не знаю что такое.

Дядя. Я говорю вамъ, что ничего нѣтъ.

Дѣдъ. Я хотѣлъ бы видѣть мою бѣдную дочку.

Отецъ. Да вы же прекрасно знаете, что это невозможно; не слѣдуетъ будить понапрасну.

Дядя. Вы увидите ее завтра.

Дѣдъ. Въ комнатѣ никакого шума не слышно?

Дядя. Я бы встревожился, еслибъ услышалъ шумъ.

Дѣдъ. Я такъ давно не видѣлъ моей дочки!... Я взялъ ея руки вчера вечеромъ, но я не видѣлъ ее!... Я вѣдь не знаю, что съ ней дѣлается!... Я не знаю какова она... Я не знаю ея лица... Она вѣрно измѣнилась за эти недѣли. Я чувствовалъ косточки ея лица подъ моими руками... Теперь одинъ лишь мракъ между ней и мной, и всѣми вами!... Развѣ жизнь это?... это не жизнь вовсе!... Вы всё смотрите вашими открытыми глазами на мои мертвые глаза и никто изъ васъ не спалится!... Я не знаю, что со мной... Никогда не говорить того, что слѣдуетъ... и все такъ страшно, какъ подумаешь... Но отчего вы не говорите теперь?

Дядя. Что же намъ говорить, когда вы намъ не вѣрите?

Дѣдъ. Вы боитесь выдать себя!

Отецъ. Да будьте вы благоразумны, наконецъ!

Дѣдъ. Уже давно что-то здѣсь скрываютъ отъ меня!.. Что-то случилось въ домѣ... Теперь я начинаю понимать... Слишкомъ уже долго обманываютъ меня! Вы, значить, думаете, что я никогда ничего не узнаю? Знаете, есть минуты, когда я менѣ сплѣтъ, чѣмъ вы... Развѣ я не слышу, какъ вы перешептываетесь вотъ уже нѣсколько дней, какъ будто бы находитесь въ домѣ умалишеннаго? Я не смѣю сказать сегодня того, что знаю... Но я знаю правду!.. Я подожду, пока вы скажете правду; но я уже давно это знаю помимо васъ! А теперь я чувствую, что всё вы блѣднѣе мертвецовъ!

Три дочери. Дѣдушка, дѣдушка! Что съ вами, дѣдушка?

Дѣдъ. Я не о васъ говорю, мои дѣвочки, нѣтъ, я не о васъ говорю... Я отлично знаю, что вы сказали бы мнѣ правду, еслибы ихъ не было вокругъ!.. Да впрочемъ, я увѣренъ, что они тоже обманываютъ и васъ... Вы увидите, мои дѣвочки, вы увидите!.. Развѣ я не слышу, какъ вы рыдаете всѣ три?

Дядя. Я здѣсь не останусь.

Отецъ. Развѣ моей женѣ и вправду такъ плохо?

Дѣдъ. Ужъ не слѣдуетъ стараться обманывать меня теперь, ужъ поздно, и я знаю всю правду лучше васъ!..

Дядя. Да наконецъ, мы же вѣдь не слѣпы.

Отецъ. Хотите войти въ комнату вашей дочери? Здѣсь есть какое-то недоразумѣніе и ошибка, съ которыми надо покончить. Хотите?

Дѣдъ. Нѣтъ! Нѣтъ, не теперь... нѣтъ еще...

Дядя. Вотъ видите, какъ вы неблагоприятны.

Дѣдъ. Никогда не знаешь всего, чего человекъ не смогъ сказать въ своей жизни! Кто производитъ этотъ шумъ?

Стар. дочь. Это лампа такъ мерцаетъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, что она очень беспокойна.

Дочь. Ее тревожитъ холодный вѣтеръ... ее тревожитъ холодный вѣтеръ.

Дядя. Нѣтъ никакого холодного вѣтра, окна закрыты.

Дочь. Кажется, она собирается потухнуть.

Отецъ. Масла нѣтъ.

Дочь. Она совсѣмъ тухнетъ.

Отецъ. Мы такъ не можемъ оставаться въ темнотѣ.

Дядя. Отчего нѣтъ? Я уже по привыкѣ.

Отецъ. Въ комнатѣ есть огонь.

Дядя. Мы и возьмемъ отсюда, когда придетъ докторъ.

Отецъ. Правда, еще довольно хорошо видно: есть свѣтъ со двора.

Дѣдъ. Развѣ свѣтло на дворѣ?

Отецъ. Свѣтлѣе чѣмъ здѣсь.

Дядя. Я такъ люблю бесѣдовать въ полумракѣ.

Отецъ. Я тоже. *(Молчаніе.)*

Дѣдъ. Мнѣ кажется, что часы ужасно стучатъ.

Стар. дочь. Это оттого, что больше не разговариваютъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Но отчего вы всѣ молчите?

Дядя. О чемъ же намъ разговаривать? Вы все шутите сегодня.

Дѣдъ. Развѣ очень темно въ комнатѣ?

Дядя. Не очень-то свѣтло. *(Молчаніе.)*

Дѣдъ. Мнѣ нездоровится, Урсула, приотвори немного окошко.

Отецъ. Да, дочь моя, приотвори немного

окошко, и мнѣ тоже какъ-то душно стало. *(Дочь отворяетъ окно.)*

Дядя. Я положительно увѣренъ, что мы слишкомъ долго были взаперти.

Дѣдъ. Окно открыто, Урсула?

Дочь. Да, дѣдушка, оно открыто настѣжъ.

Дѣдъ. Нельзя подумать, чтобъ оно было открыто, нѣтъ никакого шума со двора.

Дочь. Нѣтъ, дѣдушка, ни малѣйшаго шума.

Отецъ. Необычайная тишина.

Дочь. Можно-бъ было услышать поступь ангела.

Дядя. Вотъ оттого-то я и не люблю деревни.

Дѣдъ. Мнѣ хотѣлось бы услышать хоть легкій шумъ. Боторый часъ, Урсула?

Дочь. Скоро полночь, дѣдушка. *(Дядя начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.)*

Дѣдъ. Кто это такъ ходитъ вокругъ насъ?

Дядя. Это я, это я, не бойтесь. Я ощущаю необходимость походить немного. *(Молчаніе.)* Но я опять сяду; я не вижу, куда ступаю. *(Молчаніе.)*

Дѣдъ. Я бы желалъ быть въ иномъ мѣстѣ.

Дочь. Куда бы вы хотѣли пойти, дѣдушка?

Дѣдъ. Я не знаю куда—въ другую комнату, куда бы то ни было! Куда бы то ни было!..

Отецъ. Куда же мы пойдемъ?

Дядя. Слишкомъ поздно, чтобъ куда-нибудь отправиться.

(Молчаніе. Они сидятъ недвижно вокругъ стола.)

Дѣдъ. Что это я слышу, Урсула?

Дочь. Ничего, дѣдушка, это листья осыпаются; да, это листья осыпаются на террасу.

Дѣдъ. Закрой окно, Урсула.

Дочь. Хорошо, дѣдушка. *(Она закрываетъ окно и опять садится.)*

Дѣдъ. Мнѣ холодно. *(Молчаніе. Три сестры цѣлуются.)* Что это я слышу теперь?

Отецъ. Это дочери цѣлуются.

Дядя. Мнѣ кажется, онѣ очень блѣды сегодня. *(Молчаніе.)*

Дѣдъ. Что я теперь слышу, Урсула?

Дочь. Ничего, дѣдушка, это я сложила свои руки. *(Молчаніе.)*

Дѣдъ. Что это я слышу, что это я слышу, Урсула?

Дочь. Я не знаю, дѣдушка; можетъ, это мои сестры дрожатъ немного.

Дѣдъ. Мнѣ тоже страшно, мои дѣвочки.

(Въ это время лунный лучъ, проникнувъ сквозь часть рамы, разливаетъ мѣстами лунный

и странный свѣтъ. Бьетъ полночь, и при послѣднемъ ударѣ кое-кому слышится неопредѣленный шумъ, будто кто-то поспѣшно встаетъ изъ-за стола.)

Дѣдъ (вздвинувъ отъ необычайнаго ужаса). Кто это всталъ?

Дядя. Никто не вставалъ.

Отецъ. Я не вставалъ.

Три доч. Не я! Не я! Не я!

Дѣдъ. Кто-то такой всталъ изъ-за стола?

Дядя. Зажгите огонь!

(Въ это время внезапно слышится младенческій крикъ испуга, справа, въ комнатѣ ребенка; этотъ крикъ продолжается съ постепенно возрастающимъ ужасомъ до самаго конца сцены.)

Отецъ. Слышите, — ребенокъ!

Дядя. Онъ никогда не плакалъ.

Отецъ. Пойдемъ посмотрѣть.

Дядя. Огня! Огня!

(Въ этотъ мигъ слышится бѣготня быстрыми, глухими шагами въ комнатѣ слѣва. Потомъ мертвая тишина. Они прислушиваются въ нѣмомъ ужасѣ, пока, наконецъ, медленно не открывается дверь той комнатѣ, свѣтъ оттуда распространяется по залу, и на порогѣ появляется сестра милосердія въ своей черной одеждѣ и, склоняясь, возвыщаетъ тѣмъ смерть жены. Они понимаютъ и послѣ минуты нервышительности и ужаса безмолвно входятъ въ комнату покойной, межъ тѣмъ какъ дядя въжливово отступаетъ въ дверяхъ, давая дорогу тремъ молодымъ дѣвушкамъ. Слѣпой остается одинъ, встаетъ и въ темнотѣ ошупью движется вокругъ стола.)

Дѣдъ. Куда вы идете? Куда вы идете? Они оставили меня совсѣмъ одного.

